

В.В. Трутко,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и русского языкознания БГПУ*

СТРУКТУРНОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЕКСТАХ «МАЛОЙ» ПРОЗЫ Л. УЛИЦКОЙ

Синтаксис художественных прозаических произведений как ярчайший и многофункциональный пласт языковой картины мира текста отличается скрытой и поэтому высокой силой суггестии. Все, что предлагается в открытом вербальном пространстве на уровне прямого убеждения, находит отклик в сознании, но не всегда в подсознании. То, о чем приходится догадываться, то есть информация, сопряженная с работой мысли, запоминается, оседает на уровне подсознания как «собственная победа» и потому обладает высокой воздействующей силой. Таким источником «добытой» – не полученной, а именно извлеченной – информации является синтаксический уровень художественного текста. И если речь идет о явной идейно-композиционной обусловленности отдельных синтаксических структур, их прикрепленности к определенной функциональной «нише» во всех или почти во всех текстах, то можем считать, что это не случайная удобная (или традиционная) форма облечения мысли, а обоснованно выбранное средство воздействия, явившееся приоритетным по эффективности воздействия именно на данном этапе повествования.

Тонкий психолог и талантливый стилист, Л. Улицкая строит язык своих произведений так, что, ощущая экспрессию содержания, невольно испытываешь экспрессию языка. Даже сложные синтаксические конструкции, занимающие в печатном тексте от семи до десяти строк, настолько подчинены своей «миссии», что не препятствуют легкому восприятию вырастающих за ними образов персонажей и ситуаций, а, наоборот, удивляют динамичностью, усиливая представление о языке текстов «малой» прозы Л. Улицкой как о ярком, легком и изящном.

Одной из ярких синтаксических особенностей авторской манеры повествования является идейно и стилистически обусловленное многообразие простых предложений в текстах «малой» прозы. Их роль в создании особых синтаксических «рисунков», в отражении авторской концепции произведения несомненна: в процессе работы над текстами стало очевидным, что не вообще простые предложения, но именно их различные группы занимают отдельные функциональные «ниши», то есть сопряжены с целевыми установками автора в данный момент повествования и обусловлены иными элементами синтаксического «рисунка» определенного уровня.

При изучении функционирования простых предложений в синтаксической концепции художественных текстов прозы Л. Улицкой стало ясно, что они различаются, прежде всего, степенью и характером осложненности. С этой позиции были выделены три группы простых предложений.

Во-первых, это простые неосложненные предложения. Придание особого значения данным конструкциям – одна из несомненно ярких черт стилистического синтаксиса «малой» прозы Л. Улицкой. Речь идет не о собственно-прямой речи (монологах или диалогах героев): разговорный синтаксис априори не предполагает сложных (или чрезвычайно осложненных) предложений, и мы не можем говорить здесь об употреблении простых неосложненных предложений со специальным стилистическим заданием (кроме, разумеется, воссоздания ситуации непосредственного общения). Остановимся на функционировании простых неосложненных предложений в речи автора-повествователя.

Например, в рассказе «Бронька» мы обнаружили 46 простых неосложненных предложений (всего в тексте 183 предложения). При этом не учитывались предложения, вводящие собственно-прямую речь (слова автора с включением глаголов речи) и сама – об этом мы уже говорили – собственно-прямая речь.

Неосложненность простых предложений будем понимать как невключенность в структуру предложения обособленных членов, вводных и вставных конструкций, а также однородных членов предложения (прежде всего, распространяющих второстепенные члены). Характерные для текстов «малой» прозы Л. Улицкой конструкции с двумя однородными сказуемыми, связанными союзом «и», не будем считать осложняющими структуру простого предложения. В части случаев особенностью названных конструкций является семантическая ослабленность одного из двух сказуемых (чаще первого), обозначающего лишь добавочное действие, на фоне которого осуществляется основное. Об этом свидетельствует возможность замены первого сказуемого деепричастием (или деепричастным оборотом): *Симку вызвали в школу и оповестили. Симка исследовала и убедилась* [1, с. 22]. *Паша оскорбилась и перестала ходить* [1, с. 52]. Среди других предложений с двумя однородными сказуемыми также можно отметить ослабленность одного из сказуемых либо за счет почти полного совпадения задач со вторым сказуемым (пример А), либо из-за очевидного использования одного глагольного сказуемого не с целью акцентирования внимания на определенном действии, а в роли сигнала ситуации либо для указания на характер (причину, цель) действия, обозначенного вторым глагольным сказуемым (пример В).

А. А Бронька моргала ресницами и {=, то есть, это значит} собиралась плакать [1, с. 28].

В. Она закрыла окошечко и выбралась из будки [1, с. 28] {выбралась из будки, закрыв окошечко, – значит, выбралась не на короткое время, предполагается длительное отсутствие. Здесь смысл: Бронька рада встрече и очень хочет поговорить с Ириной}.

Следует еще обратить внимание на то, что в приведенных выше примерах А и В предложение распространено не просто однородными сказуемыми, а сказуемыми группами (*моргала ресницами, закрыла окошечко, выбралась из будки*), что также можно признать одной из характерных особенностей синтаксиса «малой» прозы Л. Улицкой. Например, в рассказе «Генеле-сумочница»: *Сумка эта*

несколько раз входила в моду и выходила из нее [1, с. 40]. При этом обыгрывание устойчивых сочетаний «войти в моду» и «выйти из моды» и прямого значения входящих в них глаголов порождает каламбур, подчеркивая общеиронический тон описания главной героини. *Одноглазый молча опускал руку в корзину и вытаскивал следующую...* [1, с. 44]. *Пожилая медсестра раскрыла ее коричневую сумочку и пошарила там длиннопалой рукой* [1, с. 46]. Данная группа простых предложений, включающих два однородных сказуемых (две сказуемые группы), отличается тем, что одно сказуемое в них всегда подчинено другому, и сочинительная связь между ними является очевидно формальной. В качестве одной из причин появления такого синтаксического построения можно предположить стремление автора стилизовать тексты, особенно тексты «малой» прозы, перевести их в русло не книжного повествования, представить рассказ не как «малую форму эпической прозы, повествовательное произведение небольшого размера» [2, с. 663], а как «словесное изложение каких-нибудь событий», почти как «рассказ очевидца» [2, с. 663].

В рассказе «Бронька» сорок шесть синтаксических позиций заняты простыми неосложненными предложениями (среди них – девять с охарактеризованными выше однородными сказуемыми). Шестнадцать и десять простых неосложненных предложений занимают значимые композиционно-синтаксические позиции начала и конца абзаца соответственно. Трижды мы столкнулись с абзацами, представленными двумя простыми неосложненными предложениями. Шесть простых неосложненных предложений структурно совпадают с абзацем. Они особенно интересны с точки зрения идейно-стилистической заданности. То есть из 46 простых неосложненных предложений 32 занимают сильные структурные позиции в тексте.

В рассказе «Бедные родственники» простых неосложненных предложений меньше – всего шесть. Сильные позиции занимают лишь два из них. В тексте рассказа «Генеле-сумочница» тридцать два простых неосложненных предложения, в сильной позиции находятся шестнадцать, из них четыре совпадают с абзацем.

Если сравнивать закономерности идейно-логического построения этих трех рассказов, можно отметить близость первого и третьего текстов («Бронька» и «Генеле-сумочница»). В этих двух рассказах сюжетно-событийный план насыщеннее и динамичнее по сравнению с текстом «Бедных родственников», где

движение сюжета и кульминация приходится на последние строки рассказа, а две третьих части его занимает прямая речь и где по этим причинам нет необходимости «расставлять маячки» в виде простых неосложненных предложений, которые позволяют мысли читателя «вынырнуть» из обилия осложненных конструкций и «вдохнуть» перед следующим сложным витком сюжета. Плавное, безостановочное течение повествования неожиданно прерывается. И останавливают его простые, ничем не осложненные предложения, короткие, не отягощенные многими второстепенными членами.

Ко второй функционально обусловленной группе простых предложений относятся предложения незначительно осложненные, то есть имеющие в своем составе, например, вводные слова (особенно частотная конструкция), или обособленное приложение (одно- или двухсловное), или однородные члены (не более двух-трех), или нераспространенное обособленное определение. Чаще всего в таких предложениях, кроме событийного узла или детали к «портрету», заключено указание на авторскую позицию – своего рода «подсказка» к подтексту: *Но Бронька молчала, как скала, не проявляя никакого смущения. ...ничто не могло поколебать этого несколько даже слабоумного спокойствия Броньки. Пожалуй, выражение ее лица можно было назвать счастливым* [1, с. 23]. В этом примере последним простым предложением с единственным осложняющим его вводным словом завершается градационное построение: *молчала < не смущалась < была даже спокойна(!) < счастлива (?!).* Вводное слово подчеркивает парадоксальность поведения главной героини рассказа. Кроме этого, оно же отражает возмущенное «общественное мнение». Тем, кто находится рядом с ней, невозможно поверить в такое – отсюда вводное «пожалуй»: «общественное мнение» словно сомневается, боится признать ее счастливой, высказывает эту мысль как страшное подозрение, едва ли не подозрение в слабоумии: не просто молчала, не просто была спокойна, а даже – неужели?! – была счастлива? А Бронька-то действительно была счастлива! В завершающем градационный рисунок простом предложении с одним вводным словом – и «кирпичик» в образ главной героини, и общественное мнение, и итог: голос автора, подсказывающего нам правильный ответ.

Или: *Соседки, обсудив и осудив на кухонном собрании всесторонне Бронькино поведение, все же единодушно признали, что мужиков к себе Бронька не водила. По крайней*

мере, никто ее на этом не накрыл. Вела она себя при этом так тихо и скромно, так смиренно и безразлично выслушивала полагающиеся ей всякие слова, что общаться с ней соседям было неинтересно. Пожалуй, ее даже жалели [1, с. 24]. Простые предложения, осложненные вводным словом или вводным сочетанием, служат «точкой» в цепи предшествующих им «осложненных» рассуждений. А вводные конструкции придают этим предложениям-выводам неоднозначность и, пожалуй, противоречивость, и дают для понимания эпохи и ее нравов не менее, а даже более ярких и точных сигналов, чем прямые утверждения и динамика событий. *По крайней мере...* – водить-то водила, но незаметно, то есть не оскорбляла общественной морали; *пожалуй...* – состояние жалости удивительно и необычно для круга описываемых лиц и данной ситуации и, кроме того, входит в противоречие с состоянием объекта жалости: чуть выше речь шла о том, что героиня, похоже, счастлива. Подобные конструкции заставляют додумывать и добывать информации больше, чем заключено ее в вербальном тексте.

К ряду подобных конструкций отнесем и такие, источник которых – парцелляция. *И нелепая, дикая, ничем не объяснимая зависть к Броньке зашевелилась в ее сердце. Впрочем, всего на одну минуту...* [1, с. 37].

Третья группа простых предложений – это изумительные по описательной силе и информативной насыщенности осложненные простые предложения, включающие многословные обособленные члены, которые порой дают нам неизмеримо больше, чем основная линия предложения (грамматическая основа с необособленными второстепенными членами) в понимании авторского видения персонажа, сюжетного хода, ситуации и т. д. и которые «соперничают» по силе суггестии с 6–7-строчными сложноподчиненными или сложными предложениями с разными видами связи [3]: *И все-таки соседи по двору, полуголодные и нищие, вопреки известным законам справедливости вселишения, всеобщей равной и обязательной нищеты, прощали им это аристократическое право жить втроем в трех комнатах, обедать не в кухне, а в столовой и работать в кабинете* [1, с. 51]. Сарказм, звучащий в этих строках, оказался мощно выраженным не только за счет лексико-семантического наполнения и его стилистической обработки, а также и благодаря синтаксическому оформлению, правильнее сказать, созданию функционально обусловленного синтаксического «рисунка».

Таким образом, прослеживается несомненная роль простых предложений (их групп) в формировании идейно-композиционного рисунка текста и пространства «над текстом». Функциональность рассмотренных конструкций – наделение их особой идейно-стилистической значимостью, а не только использование с целью стилизации – обеспечивает развитие (динамику) подтекста, то есть приводит нас к цельному восприятию авторской концепции произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улицкая, Л. Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы / Л. Улицкая. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 384 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. Трутенько, В.В. Особенности синтаксиса «ма-

лой» прозы Л. Улицкой / В.В. Трутенько // Весці БДПУ. Серыя 1. – 2013. – №1(75). – С. 37–40.

SUMMARY

The article «Sturuktural and functional variety of simple sentences in the texts of the "small" prose by L. Ulitskaya» deals with one of the most important areas of the writer's work on the language of the created text - the formation of ideological and art space of composition by means of wide syntax possibilities. The article outlines the structural diversity of simple sentences in the stories by L. Ulitskaya, the possibility of dividing them into groups, which depend on formation of a functional «niche» for each group. The author also emphasizes the importance and ideological and compositional convention of different types of complications (isolations) of the simple sentences structure.

Поступила в редакцию 17.04.2013 г.